

Уточнение социокультурного пространства профессионального
самоопределения студентов

Clarification of social and cultural space of the professional self-
determination of students

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к определению пространства профессионального самоопределения. Основываясь на методологическом аппарате теории полей и практик П. Бурдьё, автор определяет его через набор социальных полей, имеющих значение для студентов высших учебных заведений г. Перми.

The article discusses different approaches to defining the essence of professional self-determination, as well as the social conditions of its realization. Based on the methodological apparatus of field theory and practice of Bourdieu, the author defines it through a set of social fields that are relevant to students of higher educational establishments of the city of Perm.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ || СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО || СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ||
ТЕОРИЯ ПРАКТИК

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION || SOCIAL SPACE ||
SOCIAL FIELD || SOCIAL CAPITAL || PRACTICE THEORY

Вопросы объяснения, сопровождения и регулирования поведения молодежи в сфере образования и трудовой занятости имеют длительную историю изучения. Можно констатировать, что за годы развития советской социологии сложилось определенное видение того, что представляет собой

профессиональное самоопределение, из каких элементов оно складывается и в каких институциональных и организационных условиях реализуется. Однако изменения, произошедшие в российском обществе, а также развитие социологической науки, связанное с усилением внимания к жизненным мирам и повседневности [1. С. 4], приводят к необходимости уточнения изначальных методологических установок.

Изменение подходов к изучению профессионального самоопределения теснейшим образом связано с развитием социологических концепций социального порядка. В классических представлениях, социальный порядок описывается как «прочно установленный, объемлющий все общество без изъятия и стабильно воспроизводимый во времени» [2. С. 14], ему соответствуют стабильные и функциональные социальные институты, в пространстве которых индивиды взаимодействуют друг с другом. В этой связи профессиональное самоопределение – процесс, связанный с интеграцией молодого поколения в существующие социально-профессиональные структуры [3. С. 19].

Характерными чертами в рассмотрении профессионального самоопределения молодежи в этих условиях можно считать социологический реализм и примат интересов социального целого. Центральной проблемой исследований служат вопросы управления и оптимального распределения и максимального использования людских ресурсов в различных вариантах: от рассмотрения объективных социальных условий профессионального выбора как определяющих и проявляющихся в процессе самоопределения личности [4. С. 11], до вынесения самой личности, её мотивов и интересов в разряд объектов профессионального самоопределения [5. С. 14]. В последнем случае происходит полное отождествление профориентации и самоопределения личности в сфере труда. Более того, подобный подход в крайнем своем выражении заставляет говорить не столько о самоопределении личности в сфере труда, сколько об адаптации к социально-профессиональной структуре общества.

В указанном подходе пространство профессионального самоопределения представлено двумя крупными институциональными областями: образованием и трудом. Именно в рамках и посредством образовательного процесса, по мысли советских обществоведов, у молодежи формировался образ будущего, происходило определение и закрепление профессионально и личностно значимых качеств. Финальной точкой оказывалась адаптация к конкретному рабочему месту и осуществление трудовых функций [5. С. 6-19].

Подобная жесткая модель пространства профессионального выбора едва ли может быть полностью реализована в условиях, которые все чаще характеризуется как «турбулентность», «риск», «революция» и др. При высокой неопределенности на рынке труда, изменении роли образовательных организаций, культурном полистилизме возникает необходимость в более плюралистичной модели социального порядка. В этой связи логичным выглядит обращение к теоретико-методологическому аппарату П. Бурдьё, позволяющему представить «социальный мир в виде многомерного пространства, сконструированного в соответствии с принципами различения и распределения совокупности активных свойств» [2. С. 15].

Согласно теории полей и практик П. Бурдьё, социальное пространство, состоящее из совокупности взаимосвязанных полей, вписано одновременно в объективные социальные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. По логике Бурдьё, пространство представляет собой конгломерат социальных полей, каждому из которых «соответствует определенный вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре» [6. С. 16]. Акторы, находящиеся в социальном поле (студенты, абитуриенты, преподаватели и т.д.), сообразно имеющемуся капиталу, вступают в необходимые социальные отношения. Посредником между социальными отношениями и агентами в данной теории является габитус – результат

интериоризации объективных социальных отношений и необходимое субъективное условие практик одновременно.

Таким образом, для рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик необходимо выделение тех социальных полей, в которых данные практики происходят и, как следствие, тех диспозиций и разновидностей капиталов, которые реализуются и конвертируются в практиках. В данном случае, рассмотрение полей и практик профессионального выбора осуществляется на основе 20 фокусированных интервью со студентами высших учебных заведений г. Перми.

При анализе полученного в ходе интервью материала высказывания информантов, относящиеся к тем или иным институтам и организациям, выделялись в отдельные секвенции или элементы текста, содержащий внутренне законченный тематический сюжет [7. С. 178]. В рамках каждой секвенции выделялись отдельные категории, в том числе, отражающие специфические для каждого поля практики и виды капиталов. Выделенные блоки, в значительной степени совпадающие с традиционным описанием пространства профессионального выбора: образовательные институты (образовательные организации общего и высшего профессионального образования) и труд. В качестве дополнительной секвенции рассматривалась досуговая деятельность информантов, т.е. не связанная с обучением и профессиональным трудом занятость. Именно этими областями значений в значительной степени описывается процесс социального самоопределения.

Тем не менее распределение основных капиталов и мотивов практических действий информантов позволяет дифференцировать практики информантов исходя из других оснований. Исходя из собранного эмпирического материала можно сделать вывод о наличии четырех связанных между собой социальных полей, определяющих специфические практики: поля формальных норм, карьерных планов, поле самоактуализации и поле символического потребления.

Поле формального исполнения институциональных норм строится вокруг явных и формально оформленных функций институтов и организаций: освоения учебного плана применительно к образованию, получение денег из трудовой деятельности и т.д. В образовательном процессе взаимодействие в этом поле осуществляется между учащимися, преподавателями и формальными нормами, представляемыми администрацией учебного заведения. Выполнение формальных обязанностей (исполнительность как своеобразный капитал), связанных с пребыванием в вузе, при этом может считаться обязанностью (*Интервью 1*: «а здесь я не понимаю: парень моего возраста может прогуливать пары, не считая что это ниже его достоинства») или своеобразной платой за доступ к иным видам капитала: как минимум на получение диплома. В осуществляемой трудовой деятельности инструментальные цели связаны с финансовым обеспечением собственных расходов, не пересекаясь ни со сферой интереса («мне нужно получать какие-то деньги, которые нужно потратить на свои нужды <...> Мне пока совершенно не нравится работать, это не интересно, не весело, но я делаю это вынуждено» – *Интервью 2*).

Поле карьерных планов и устремлений, направлено на конструирование, подготовку будущей профессионально-трудовой траектории, вхождение в референтную группу. Цель данных практик выходит за рамки непосредственного процесса обучения и связывается с несколькими составляющими. Прежде всего, это получение необходимых для практической деятельности навыков (*Интервью 3*: «пришел сюда получать образование историка, а не историю учить»). На основании связей с планируемой специализированной деятельностью проходит очередное разделение предметов: в восприятии студентов появляются курсы нужные и не нужные, с различным отношением к ним. Сходным образом выстраивается и отношение к преподавателям: они оцениваются с точки зрения их практического опыта в значимых для респондента областях.

В контексте профессионального самоопределения студентов особое значение приобретает пересечение трудовой сферы и поля карьерных планов и устремлений. Описывающие его эмпирические категории и первичные коды интервью описывают как отношение и оценку уже имеющейся работы с точки зрения трудовой и профессиональной адаптации, так и мнения и суждения информантов, пока не имеющих таковой практики. Объединяет их одно: ориентация на связь получаемой специальности и будущей профессиональной траектории, т.е. подработка во время учебы оказывается синонимом получения практических навыков.

Характерными чертами данного фрагмента социального пространства является то, что для трудового дебюта информантами выбираются такие места работы, которые максимально близки к желаемой карьерной цели, но не требуют формально подкрепленного уровня квалификации: «есть отдел ПТО, он занимается документацией. Самое простое, на что берут студентов» (*Интервью 4*).

Основным капиталом для поля самоактуализации оказывается интерес индивида и его саморазвитие. В этой связи к делению предметов на требующие посещения или не требующие посещения добавляется новая классификация: интересно – не интересно: «Многие знания я не буду использовать, при этом они интересные» (*Интервью 6*). В данном контексте происходит оценка всех сторон жизни вуза, включая практики, внеурочную деятельность. В рамках данного поля обучение в вузе – время, позволяющее максимально полно реализовать собственные интересы и запросы: изучение иностранного языка, получение новых знакомств, посещение новых мест, освоение новых идей. И в этой связи студенты не используют прагматических критериев: «Я могу это делать, почему бы и нет!?! Может это в будущем мне как-то отзовется» (*Интервью 1*).

Второй вариант появления данного поля в материалах интервью – это выявление того, насколько та или иная деятельность может принести положительные эмоции. Как описывает свою занятость сетевой

журналистикой одна из информанток: «мне очень интересно, меня все устраивает. Это просто... как бы, плюс в копилку моих знаний, я же развиваюсь, саморазвиваюсь, самореализовываюсь» (*Интервью 7*), «лично вот у меня вот есть неподдельная радость<...>меня это радует, я чувствуя, что я в какой-то там гонке, я чувствую раж такой, грубо говоря, и мне это нравится» (*Интервью 4*).

Однако помимо описанного выше примера положительной связи между трудовыми функциями и пространством самореализации оказывается возможной и отрицательная связь: подобного рода практика служит для того, чтобы информант определил сферу занятости как несоответствующую его интересам: «Я один день пробовал и понял, что это не моё. Один день я поработал в ресторане и понял, что это не моё совершенно <...> мне монотонный труд стал не интересен и я перестал ходить» (*Интервью 8*).

Поле символического потребления основывается на придании совершаемым актам символического характера, отражающего представления индивида о социальном статусе, престиже и успехе. Цели акторов не имеют прагматического или «материального содержания» [8. С. 12]. Представления об имиджевой неоднородности профессиональной структуры, а следовательно и социальном характере выбора трудовой траектории были зафиксированы и в советских исследованиях проблем профессионального выбора, однако в настоящих условиях они оказываются более дифференцированными. В данном поле обучение в вузе рассматривается как подтверждение и демонстрация имеющегося статуса семьи и самого индивида. Несмотря на то, что родители респондентов имеют разный уровень образования, практически все информанты были ориентированы ими исключительно на ВУЗ. Во-первых, статусом наделяется само прилагательное «высшее» в названии учреждения. Эта превосходная степень переносится на все составляющие: знания, восприятие выпускников работодателями и окружающими: «Получить более широкое образование, более высокое. Я думал там более интересные предметы» (*Интервью 2*).

Второй составляющей является статус ВУЗа: «[название одно из национальных исследовательских университетов] или «[название другого национального исследовательского университета] – это же так престижно, это же так круто, там же все, господи!» (*Интервью 4*) «Это же престижно, и звучит, и диплом будет московский» – так характеризует свой выбор один из информантов (*Интервью 2*).

Поле символического потребления связано также и с наделением трудовой деятельности характеристиками престижа, и её дальнейшего оценивания как символа успеха-неуспеха в оценке себя и окружающих: «некоторые люди, они после университета они идут на низшую ступень, а я эту низшую ступень прошла в университете, то есть я эту страничку переверну» (*Интервью 2*). Подобным символическим значением наделяются оба выделенные выше аспекты труда: деятельность, не связанная с учебной, и получение дохода.

Второй элемент рассматривается как особо существенный для конструирования социального статуса у учащихся: для информантов он оказывается своего рода маркером взрослости: как отмечает один из опрошенных студентов: «это уже деньги, заработанные мной самой». Более того, отсутствие независимых источников дохода расценивается как девиация: «я не думаю, что нормально в таком возрасте зависеть от родителей» (*Интервью 9*).

Таким образом, профессиональное самоопределение оказывается встроенным в пространство формальных социальных образовательных и профессионально-трудовых институтов, однако не сводится к ним. Внутри выделенных институтов и сфер деятельности выделяются сегменты, обладающие специфическим содержанием – социальные поля, пересекающие институционализованные виды деятельности. К ним относятся поля формального исполнения институциональных норм и правил, карьерных устремлений, самоактуализации и поле символического потребления.

Поля следует рассматривать как сообщающиеся между собой, в результате чего происходит конвертация одних видов капитала в другие, наиболее значимые для информантов; поля оказываются не конвергентными и накопление капитала в одном мешает практикам в другом.

Пример первого типа взаимодействия хорошо иллюстрируется на уровне образовательных институтов: представление о будущем месте работы (если оно сформировано) определяет отношение к предметам и вычленимым из них навыки, диплом, соединяя поля образования с соображениями престижа, влияет на доступ к рабочим местам (для принятия на работу необходимо «махнуть дипломом с хорошими оценками»).

Второй вариант наложения полей описывает ситуацию, при которой деятельность одновременно в нескольких областях практического опыта оказывается невозможной, либо рассматривается в качестве таковой самими респондентами: «честно, в этом году, у меня выбор стоял, либо я посещаю все пары, получаю пятерки, получаю стипендию, либо я получаю ну какие-то практические навыки. В итоге я выбрала учебу, потому что ещё не готова наплевать на учебу и работать» (*Интервью 2*). Иными словами, то, что эффективно в пространстве выполнения формальных требований образовательного стандарта оказывается малоприменимо для приближения к профессиональному идеалу и, тем более, не соответствует понятиям престижа и высокого статуса. Характерно, что символический капитал высшего образования получает все большую значимость, временами отдаляясь от собственно профессионального содержания. Иными словами, можно констатировать, что практики профессионального самоопределения, локализованные в институтах образования и труда, реализуются в нескольких социальных полях, причем успешность в одном из них не означает успешность в остальных.

Таким образом, профессиональное самоопределение предстает как множество разнообразных практик субъектов, по формированию планов карьерного развития и профессиональной идентичности, реализуемых в

сложном социокультурном пространстве. В современных условиях атомизации социальной действительности оказывается невозможно локализовать его исключительно через институциональные и организационные условия среды, которые акторы определяют и используют по-своему. Основываясь на собранном фактическом материале, можно констатировать, что выделение социальных полей, во-первых, позволяет более детально описать диапазон мнений информантов о внешних организационных условиях, а во-вторых, оказывается основанием для дифференциации их установок.

Список литературы:

Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 3-7.

Шматко М.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 14-19.

Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 19-26.

Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). – М.: Мысль, 1975. – 200 с.

Антипьев А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе (методические рекомендации). – Пермь, 1977. – 79 с.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв.ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.

Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 5-18.